

Степан Степанович Сухачевский

Коля Мяготин

Иллюстрации - В. Юдин. - 1982 г.

Дружная и ранняя пришла в Колесникова весна 1930 года: звенела капель, журчали на улицах ручьи.

Коля Мяготин вместе со своими школьными товарищами всё дольше стал задерживаться в школе.

Вооружившись топорами, пилами и молотками, они с увлечением мастерили скворечники.

— В этих домиках поселятся птицы, — говорила учительница Александра Васильевна, помогавшая ребятам. — И не страшны будут вредные насекомые ни зелёным листочкам, ни цветам, ни посевам на полях...

Школа стоит за селом на пустыре.

И вот пустырь ожил. Ребята решили разбить цветник вокруг школы. Они вскопали землю, посадили молоденькие деревья. Школьный двор стал неузнаваем.

В перерывах, когда ребята отдыхали от работы, Александра Васильевна рассказывала много интересного.

Коля слышал о первых пионерах, которые помогали молодой республике Советов в гражданскую войну, о Красной площади, о Кремле.

Рассказы будили в мальчике смелые мысли, рождали мечту о подвиге.

В канун Первомая школу облетела радостная весть: второклассников будут принимать в пионеры.

И вот желанный день настал. Мальчики и девочки построились на линейку. Всегда строгое, с резкими морщинами лицо Александры Васильевны озаряла мягкая улыбка. Она светила в задумчивых умных глазах, и учительница казалась детям моложе, красивее.

Перед классом стоят пять мальчиков и пять девочек — их принимают в пионеры.

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, — взволнованно начала Александра Васильевна.

Коля старался быть спокойным, но сердце бьётся сильно, и кажется, он не сможет повторить за учительницей торжественные слова.

Голос учительницы чётко звучит в тишине:

— ... Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины.

И вот ярким маком расцвёл на Колиной груди пионерский галстук.

Рядом с Колей — Дима, его друг. Как хочется пожать ему руку!

Каждое лето колесниковские пионеры помогали своему колхозу. Они охраняли урожай, собирали оставшиеся в поле колосья.

Коля вместе с ребятами выпускал стенную газету.

С любовью говорили о пионерах колхозники, не раз правление колхоза награждало ребят ценными подарками. Колю называли «пионерский председатель».

Вот только Петька Вахрушев не хотел помогать колхозу. Он говорил: «Я не обязан, я не пионер». Вступать в пионеры Петьке не разрешал брат Иван.

— Петь!.. — допытывался Коля. — А почему ты Александре Васильевне не скажешь? Она поговорила бы с ним.

— Что ты? Он меня прибьёт!

— А разве он тебя бьёт?

— Чем ни попало... И мамка завсегда в синяках ходит.

— За что же он вас бьёт?

— Да он кого хошь прибить может... Он и тебя...

— Меня?! — насторожился Коля, но Петька не ответил: он съёжился, боязливо озираясь.

Коля знал, за что ненавидит его старший Вахрушев.

Коля был ездовым в бригаде Шушарина. Как и все пионеры села, помогал колхозу. Трудился много, старательно, честно. Как-то мальчик задержался на току и пошёл домой, когда было уже темно. Он сбился с дороги, долго блуждал по лесу, набрёл на заброшенную Коробейникову избушку, услышал разговор и, почуяв что-то недоброе, спрятался за толстой сосной. Совсем близко, в нескольких шагах, при свете луны он увидел темневшие фигуры. Прислушавшись, узнал скрипучий голос Ивана Вахрушева и хрипловатый бас Фотей Сычёва. До слуха мальчика долетели обрывки фраз:

— Как только Шушарин приехал на ток, я нарочно при всех колхозниках сказал: «Вот подводы с хлебом. Мне их сдавали без веса и от меня принимайте на глаз». Шушарин засмеялся. А я сказал ему: «Кабы схотел украсть, не смог бы — в карманах, что ли, унесёшь?» Сел верхом и уехал...

— Молодец, Ванюха! А насчёт телеги ты неплохо придумал. Никто не догадался, что в кустах она была схоронена...

— Хорошо ли мешки завязал?

— Не впервой... Ну что, Иван, пора! Телегу-то заодно с хлебом продашь в Кургане, вернёшься верхом, будто в больницу ездил... Ну, с богом!..

В тот год урожай в колхозе радовал крестьян. Пшеница уродилась обильно, богато. Но не все радовались.

Часть села — Сычёвский край — занимают большие дома. Они, словно крепости, обнесены высокими глухими заборами. И дома, и подворья сделаны прочно, на века.

Но нет в Колесникове владельцев этих домов — кулаков: по требованию крестьянской бедноты их выселили. На Север был выслан и Лука Сычёв, первый деревенский богач. Оставшийся брат его, Фотей, жил тихо, одевался просто и больше походил на захудалого мужичка. Фотей хитрил. Он ненавидел Советскую власть и колхозы и собирал вокруг себя недовольных.

Выбор пал на Ивана Вахрушева. О Вахрушеве шла дурная слава: он пьяница и хулиган. Фотей уговорил Вахрушева поработать в колхозе одно-два лета. И Иван пошёл в бригаду Шушарина, а бригадир Шушарин был своим человеком. Шушарин помогал воровать колхозный хлеб.

Коля, услышав тот разговор, решил разоблачить Вахрушева и Сычёва. Как-то, встретив Ивана у озера, смело сказал ему:

— Знаю, как по ночам хлеб в колхозе воруете...

— Прикуси язык, Колька, не то худо будет! В озерке и утонуть не диво, — пригрозил Иван.

— Не запугаешь! — крикнул Коля. — Всё равно не боюсь.

О многом Коля передумал после встречи с Иваном у озера. Вспомнил и отца. Он был батраком братьев Сычёвых. Отец погиб в борьбе за счастье таких же бедняков, каким был и сам.

Сегодня воскресенье, занятий нет, но пионеры собрались на школьном дворе. Учительница Александра Васильевна чуть свет уехала с почтальоном Кузьмой Михеевичем в район. «Никак, беда стряслась», — таинственно сообщила школьная сторожиха ребятам.

Коля беспрестанно поглядывал на улицу большой деревни. Почтарского ходка не было видно. Ребята говорили кто о чём.

— Нынче снег поздно ляжет...

— Нет, холода наступят скоро...

— Как бы не так! Смотри, паутинки...

— Ну и что ж... А птица тронулась. Скворцы улетели уже. Это верная примета!..

Вдруг Дима вскочил:

— Александра Васильевна приехала!

Все бегут навстречу почтарской лошади. Ходок, поскрипывая, въезжает на школьный двор. Лицо Александры Васильевны печально.

— Собрались... слышали, значит...

— А что случилось, Александра Васильевна? Расскажите!

Учительница медленно идёт к школьному крыльцу, тяжело опускается на ступеньку. Обняв присмиривших ребят, она рассказывает о том, что произошло 3 сентября в селе Герасимовке. Притихшие, слушают школьники об убийстве кулаками пионера Павлика Морозова.

— Давайте напишем письмо матери Морозова от нашего пионерского отряда, — предлагает Александра Васильевна...

«Дорогая Татьяна Семёновна! Вам пишут пионеры села Колесникова»... — старательно выводит слова Коля.

Подписи составили маленький столбик, и против каждого имени пионера появилось ещё по одной фразе. Коля тоже сделал приписку: «Татьяна Семёновна! Считайте меня сыном...»

Разошлись под вечер.

Эту ночь Коля и Дима спали на сеновале. За разговорами мальчики не слышали, как на сеновал по лестнице поднялся Петька Вахрушев и чиркнул спичкой.

— Кто там? — спросил, приподнимаясь, Коля.

— Это я, Колыиа... Можно, я с вами?

— Что ж, ночуй, — нехотя согласился Коля.

Петька, не раздеваясь, ложится с краю. Натянув на голову одеяло, Дима отворачивается.

— Колыиа, а Колыиа... Знаешь, о чём я думаю? — говорит Петька.

— О чём?

— Если бы нам так довелось... Как Павлику Морозову... Угрозы и всё такое. Как бы ты? Ну, понимаешь?

— А ты бы как поступил?

— Не знаю. Страшно, Колыиа, вот так... Ножом ведь... в лесу.

— А я не струсил бы! Честное пионерское!

Наступает молчание. Каждый думает о чём-то своём.

«Шушарин, брат Петьки Иван, Сычёвы... это враги, — думает Коля. — Но друзей больше. Это Дима, Маша, Серёжа, Кузьма Матвеевич, Александра Васильевна... А Петька? Кто он? Друг?...»

Коля вспомнил, что не успел спросить у Александры Васильевны: удалось ли ей рассказать в районе о похищенном зерне? Надо написать заметку в районную газету! Он, как и Павлик Морозов, не уступит врагам.

Уснул Коля на рассвете.

* * *

До конного завода, где находилось почтовое отделение, рукой подать, но колхозный почтальон Кузьма Матвеевич тратил иногда на поездку целый день. Если кто-нибудь пробовал шутить по этому поводу, Кузьма Матвеевич сердился: «Ишь, приткий какой! Почту получать надо с головой. Тут тят-ляп нельзя».

Для пущей важности Кузьма Матвеевич собственноручно намалевал на дуге: «ПОЧТА». Под разукрашенной дугой висел необыкновенного размера колокольчик. Если колокольчик позванивал вяло, в Колесникове знали: Кузьма Матвеевич везёт обыкновенную почту. Иногда же колокольчик гудел, словно выговаривал: «Есть новости! Есть новости!» Давно в селе такого звона, как сегодня, не слыхали.

Почтарь спешил доставить номер районной газеты, на первой странице которой была напечатана заметка: «В Колесникове воруют колхозный хлеб». Сам Кузьма Матвеевич не обратил бы внимания на эту заметку, не услышь он насмешливый голос почтальона из соседней деревеньки Лукино: «А ты, Матвейч, поинтересуйся-ка районной газетой... Там здорово расписали ваше Колесниково».

Старик ни разу не оторвался от газеты, пока по складам не прочёл всю заметку.

Чем дальше он читал, тем светлее становилось его лицо. «Слава те, господи! Нашёлся добрый человек, прописал про Сычёвых и Вахрушевых!..»

В тот вечер многие в Колесникове ломали голову над тем, кто же автор заметки. Мужики перебирали всех грамотных жителей села и, не остановившись ни на ком, решили: писал кто-то из городских, а загадочная подпись «Свой глаз» напечатана для видимости.

И никто не подумал, что заметку написал Коля.

Иван Вахрушев встретил как-то в переулке Колю и, загородив дорогу, хрипло сказал:

— Ты чего председателю наболтал? Прикуси язык, не то худо будет!

Колю кто словно подтолкнул к Вахрушеву:

— Не пугай! Не стану молчать! Напишу о ваших проделках в Курган!

И Коля смело прошёл мимо. Над его головой, сбив фуражку, просвистел камень. Коля оглянулся. Посередине переул�а стоял Вахрушев, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Ходи, да оглядывайся... Соображай, активист пионерский!

В этот день Коля, вернувшись домой, не выходил из горницы.

Он что-то писал в толстой тетради. Писал медленно, обдумывая каждое слово.

Усевшись с вязаньем у окна, мать незаметно наблюдала за сыном.

— Сходил бы поиграл, сынок, уроки вечером приготовишь.

— Уроки я уже сделал. А это, мама... — Коля замялся, смолк на полуслове.

— Что, сынок?

Коля обернулся.

— Мам! Я давно хотел тебе сказать... Вахрушев и Сычёвы воруют хлеб в колхозе, а бригадир Шушарин им помогает, глаза на всё закрывает. Я видел, как они ночью мешки с зерном прятали у Коробейниковой избышки... Я не боюсь! Всё равно раскрою их

воровскую шайку...

Со вздрагивающих колен Арины Осиповны скатился клубок пряжи, правая рука её, поднятая с вязальной спицей, замерла и вдруг рывками стала чертить в воздухе, ловя ускользающую нить. Коля кинулся к матери.

— Мама, ты что?

— Ничего... пройдёт, — шепнула Арина Осиповна, прижимая к груди голову сына. — Хоть и страшно мне за тебя, ой, как страшно, а отговаривать не буду... Не было в нашем роду трусов!

Прочтя газету, Иван Вахрушев испугался. «И до меня, знать, очередь дошла. Всё припомнят». Беспокойно метался он по горнице. От малейшего стука в дверь пугливо вздрагивал. «Узнать бы, кто написал в газету, кровью бы того умыл!..»

Прошло несколько дней, Ивана в сельсовет не вызывали. Страх миновал.

В конце недели Иван под прикрытием темноты незаметно проскользнул в дом Фотей Сычёва.

— Как смекаешь, — спросил Фотей Вахрушева, — кто на нас за ту пшеницу донёс в Совет?

— Чёрт его знает... Суббота была, кто-нибудь задержался на току, пошёл, видно, старой дорогой, ну и увидел нас у Коробейниковой избышки.

— Не кто-нибудь... Колька Мяготин подсмотрел!

— Ах, змеёныш!.. Ну кто ж мог подумать, что такого сопляка остерегаться надо?

Вахрушев с силой рванул ворот рубахи. Фотей Сычёв исподлобья наблюдал за ним.

— Я так смекаю, что и в газету тоже Колька написал.

— Что-то в толк не возьму... Подпись-то другая?

— Подпись... Это для отвода глаз. Соображай... Скажет — ему поверят: пионер!.. А закон-то ноне строгий вышел... Слышал про закон-то? Нас за милую душу на Север укатят... Ох, что-то делать надо с Мяготиным!

— Известно что!

— Ванюха! — обнял его Фотей. — Ты у нас отчаянная головушка, а какой-то парнишка, выходит, сильнее тебя?

— Ш-то! М-мя-готин? Ме-ня сильнее?! Убью!.. Кольку убью! — заорал Вахрушев.

— Верно, Ванюха! — подзадорил Фотей. — Давно пора проучить активиста пионерского. Да заодно и учительшу... Она всему заводит, а Мяготин — её глаза и уши. Завтра утром приходи ко мне, гулять будем... Там и обмозгуем всё.

— Что зря лясы точить, порешить обоих сегодня же!..

В это хмурое октябрьское утро колючий холодный ветер гнал тяжёлые облака. Шли они, как лёд по вздувшейся реке.

Арина Осиповна встала рано, принялась хлопотать у печки. Когда Коля проснулся, его ждал любимый завтрак — подрумяненные оладьи из свежего картофеля.

— Мама, что ж ты меня не разбудишь?

— Хоть в воскресенье побудь со мной. В будни-то совсем не вижу дома...

За завтраком Коля размышлял:

— Вот, мама, закончу в эту зиму четвёртый класс и стану учиться дальше. — Он быстро взглянул на мать.

Арина Осиповна подошла к сыну и, ласково потрепав вихорок, сказала:

— Совсем большой стал. Двенадцать годочков исполнилось ... — И, помолчав, спросила: — На кого же, сынок, хочешь учиться!

— На учителя!.. Нет, лучше буду землемером. Вот выучусь, стану землю измерять, карты чертить, чтобы знали колхозники, где пашня, где сенокос...

— Хорошее дело, сынок. Колхозу грамотные люди нужны. Как ещё нужны-то!

Послышался стук отворяемой двери.

На пороге стоял Петька Вахрушев.

— Тётя Арина! Пустите Кольшу, он поможет мне уроки сделать. Я один никак не управлюсь...

— Поздоровайся сперва! Ученик... — сухо сказала Арина Осиповна. Она не любила Петьку. Чем-то он походил на своего брата. Глаза узенькие, хитрые. Смотрят всегда исподлобья.

Коля вопросительно взглянул на мать.

— Сходи, сынок, только не задерживайся. Да оденься потеплее, сегодня и простудиться не долго.

— Я быстро...

Не успели выйти со двора, как Петька предложил:

— Пойдём, Кольша, за подсолнухами.

— Ты ж уроки собирался делать.

— Это я нарочно сказал, чтоб тебя мать отпустила...

Коля нерешительно остановился.

— Пойдём! Недалеко ведь. Мне поговорить с тобой надо. В пионеры хочу. Как посоветуешь?..

Переулком мальчики вышли за околицу, на болото Ворга. Это «гнилое место» тянется от села до самого бора у Кривых озёр. Сразу за Воргой — березняк. Возле него подсолнечное поле. Вблизи глухо шумел лес, на макушках оголённых берёз сиротливо чернели покинутые вороны гнёзда. Пустынно и неуютно вокруг.

Выискивая крупные шляпки, Петька ломал мелкий подсолнух, бросая его на землю. Он явился с полной охапкой шляпок, густо усаженных глянцевыми головками семечек.

— Зачем же столько? — упрекнул Коля.

— А тебя завидки берут?

— Ведь подсолнух-то колхозный!

Петька промолчал.

Не глядя, Коля быстро зашагал к лесу.

— Не сердись, — заговорил Петька, стараясь забежать вперёд, — подсолнух всё равно пропащий. Птица выклюет, а то под снег упадёт.

От леса дорога круто свернула на поскотину. Застегнув на все пуговицы куртку, Коля ускорил шаг. Петька едва успевал за ним.

Вдруг Петька остановился.

— Брательник! — шепнул он.

Только сейчас Коля заметил, что навстречу им болотцем шёл Иван Вахрушев. Не шёл, а бежал боком, подставляя ссутулившуюся спину холодному ветру. За плечом его тускло блестело дуло берданки.

Петька приотстал, сошёл с тропки и быстро стал забирать влево. «Да они, никак, сговорились...»

Вахрушев приближался. Шагах в пяти от Коли он остановился, сорвал с плеча берданку, крикнул Петьке:

— Марш домой, да не оглядывайся!

Иван рывком вскинул берданку и, не целясь, выстрелил в Колю. Острая боль пронзила правую ногу, Коля потерял сознание. Озираясь, Вахрушев побежал в сторону Колесникова.

От пыжа у Коли начала тлеть пола ватной куртки, красный язычок зазмеился по подолу рубахи, прижёт тело.

Коля пришёл в себя.

С предвечернего неба тополиным пухом сыпался снег.

Ветер злобно крутил хлопья, густо устилая Воргу.

Из снежного вихря прямо на Колю выплыла угловатая фигура Фотей Сычёва.

— Жив ещё... Эх, мазила Иван!

У самых глаз своих Коля увидел чёрное дуло ружья.

— Дядя Фотей!.. За что?

— Сам знаешь, активист пионерский!..

* * *

Больше четырёх десятилетий минуло с того хмурого осеннего дня, когда за сельской околицей прозвучал выстрел, оборвавший короткую жизнь Коли Мяготина.

Ныне в Колесникове — колхоз имени Коли Мяготина.

В центре села, на площади, возвышается мемориальный комплекс. Слева на пьедестале трёхметровая фигура пионера. Гордо вскинута голова, смелый взгляд, левая рука прижата к груди, как бы охраняет пионерский галстук, правая сжата в кулак...

За фигурой пионера — стелла. На ней текст: «Здесь захоронен пионер-герой Коля Мяготин, убитый кулаками 25 октября 1932 года».

Каждое лето из Кургана, районов области приходят сюда пионеры. Юные ленинцы приезжают в Колесниково из Москвы, многих городов Урала и Сибири. Они кладут к подножию памятника живые цветы и клянутся быть верными своей Великой Родине.

Имя пионера-героя Коли Мяготина занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина.